

ОЖИВШИЕ ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЛЮБОВЬ, ИСПЫТАННАЯ ВРЕМЕНЕМ

СОЛОМЕЯ и КУДЕЯР

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Владимира Ненова*

Прозоров, Александр Дмитриевич.
П79 Соломея и Кудеяр / Александр Прозоров. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с.— (Ожившие предания.
Романы А. Прозорова).

ISBN 978-5-699-93967-1

Для Соломеи Сабуровой — дочери корельского воеводы — новость о том, что Государь всея Руси пожелал женить своего сына, молодого князя Василия, оказалась впечатляющей, но еще большей неожиданностью стало решение отца отправить ее в Москву на смотрины невест. Конечно, в сопровождении пожилой тетки Евдокии да двух слуг. Компания верная, но не особенно занятная. Встретившийся же им в пути веселый и бойкий юноша Кудеяр, который взялся оберегать Соломею в дороге, сразу покорила ее сердце. Боярин полюбил девушку всей душой, питая надежду вскорости стать ее мужем. Ведь ясно как день, что среди множества знатных красавиц, прибывших ко двору, затеряться просто, а шанс хотя бы попасть на глаза Великому князю ох как мал! Однако дерзкий поступок Соломеи в присутствии Василия и его свиты враз перевернул всю ее жизнь, оказавшись судьбоносным не только для нее...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93967-1

© Прозоров А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

ДОЧЬ
КОРЕЛЬСКОГО
ВОЕВОДЫ

Глава первая

11 июня 1505 года

Окрестности крепости Корела

Нынешняя весна выдалась ранней и теплой, незаметно перейдя в жаркое лето, и потому уже в конце мая кое-где на южных склонах холмов и каменистых россыпей неприхотливая лесная земляника стала показывать красные бока. К середине же июня многие поляны и опушки буквально зарумянились от обилия сладких ягод, маня жителей редких приладожских селений небывало щедрым урожаем. На одной такой полянке, между весело журчащим где-то под кустами ручьем и просторным озером Вуокса, сидели на корточках неподалеку друг от друга пять совсем юных девочек, не спеша заполняя берестяные лукошки.

Раскрасневшиеся от жары, розовощекие, с длинными косами за спиной, выглядели они почти одинаково: серые сарафаны из грубого домотканого полотна, надетые поверх таких же серых, но ситцевых рубах, от которых наружу выглядывали только длинные рукава; белые платки на головах, из-под которых опускались на спину русые и черные косы, у некоторых из-под подола выглядывали кончики кожаной обуви. Однако же пояса девочек ясно доказывали, что они отнюдь не ровня. В двух ягодницах простолюдинок выдавали толстые,

сплетенные из матерчатых обрезков кушаки, с которых свисали замшевые мешочки и короткие, с ладонь, ножи с засаленными рукоятками; другие три девочки были опоясаны настоящими ремнями в три пальца шириной — украшение куда более дорогое. Ножи и ножны у них были новые, вместо мешочков — аккуратно сшитые замшевые с тиснением поясные сумки, а у одной нож оказался не с простой деревянной рукоятью, а с костяной, и ножны украшали белые, костяные же, резные накладки. Не каждый боярин или купец подобное баловство мог себе позволить — юной дочери дорогое украшение на пояс повесить.

С ясного неба, голубизну которого лишь слегка разбавляли редкие кучевые облака, светило солнце, счастливо пели в кустарнике птицы, журчал ручей. Со стороны озера слабый ветерок тянул влажной прохладой, смешивая ее с ароматами луговых цветов, стрекотали тут и там кузнечики — и быстро мелькали белые тонкие пальцы, переправляя алую сладость то в лукошко, а то и в рот, увлажняя красные девичьи губы.

— Соломея, а чего ты ленту себе в косу не вплетишь? — неожиданно спросила ягодница с самым богатым поясом. — Тебе ведь вроде уже пятнадцать? Стало быть, женихов привечать впору!

— Токмо весной исполнилось, — подняла голову девочка постарше, опоясанная ремнем. Круглолицая, курносая, с пронзительно-голубыми глазами. — Ты сама-то, Купава, вон тоже не торопишься!

— Мне матушка ноне повелела до осени потерпеть, как молодой боярин Саженов из ополчения вернется, — широко улыбнулась кареглазая Купава. — Это который Федор, Дерванов сын. Батюшки уже обговорили. Как переплетусь, так сразу сватов и зашлют. Вот и жду. Коли потороплюсь, другой кто может появиться.

Отказывать придется, а сие обида. Вражда ненужная появится. А уж когда листва пожелтеет...

Девочка пригладила свою толстую косу и забавно фыркнула носом. Похоже, именно ради этого хвастовства перед подругами она и затеяла весь разговор.

— А я, как вырасту, обязательно за князя замуж выйду! — клятвенно заверила вторая опоясанная ремнем девочка, лет одиннадцати на вид. — За самого молодого и красивого!

— Ох, Мария, Мария, — засмеялись старшие подруги. — У князей для замужества княжон в достатке найдется, до детей боярских не снизойдут!

И Купава степенно уточнила:

— Так уж истари заведено, что князья на княжнах женятся, бояре на боярках, купцы на купчихах, смерды на смердках, мастеровые на мастеровичках. И дети боярские тоже на ровне своей женятся, а не на знати родовой. Куда уж нам к князьям в родичи набиваться!

— А я все равно за князя выйду! — упрямо насупилась девочка.

— А меня бы за Тришку замуж выдали, боярышня, — внезапно подала голос одна из простолюдинок. — Он холоп, я девка дворовая. Нечто мы не ровня?

Тоже голубоглазая и круглолицая, внешне она чем-то напоминала сестер, однако смотрелась уже достаточно взрослой — лет восемнадцати, если не более.

— Да сколько тебе уж сказывали, Заряна, нельзя Тришке жениться! — укоризненно вздохнула Соломея. — Холоп он, на службу с батюшкой али братом моим выходит, в порубежье со схизматиками и басурманами рубится, татей ловит, в походы ратные выступает. А ну, убьют его в сече, что тогда? Вдовой с сиротами останешься, кто кормить вас, растить и одевать станет?

— Батюшка твой, Соломония Юрьевна, тоже в походы исполчается, и ничего, — буркнула себе под нос девка. — Троих детишек завел.

— Мы, Заряна, дети боярские, мы с земли и службы кормимся, — наставительно ответила пятнадцатилетняя девочка. — Коли чего с батюшкой случится, надел останется, по миру не пойдем. Брат мой ныне аккуратно там, за хозяйством приглядывает, пока батюшка здесь, в Кореле воеводой служит.

— Так и нас с Тришкой в насельники переведите! — встрепенулась девка. — Землица-то у вас есть, боярышня, сама сказываешь. Нечто пахарь новый лишним вам скажется?

— А Тришка-то твой согласится за сохой ходить, Заряна?! — весело поинтересовалась Купава. — Чай, не для того он в холопы закупался, чтобы землю копать и хвосты коровам крутить. Жить парень пожелал страшно, но весело. А ты его в хомут запрячь норовишь!

— О, легок на помине! — Девушка выпрямилась, прикрывая ладонью глаза от солнца. — Скачет...

И правда — звонко цокая подковами по часто выпирающим из тропинки камням, через луг промчался всадник, осадил скакуна неподалеку от девочек, резко поклонился с седла:

— Возвертайтесь в крепость, боярышни, батюшка кличет!

Разгоряченный конь хрипел и крутился на месте, не в силах понять, отчего его так внезапно остановили, но холоп уверенно держался в седле: широкоплечий, высокий, в синей атласной рубаше и красных суконных шароварах, заправленных в бордовые сапоги, опоясанный длинной кривой саблей. Бородой и усами Тришка еще не обзавелся — так, пушок слабый курчавился на

верхней губе и на подбородке, — однако голову уже брил, закрывая макушку мягкой, вышитой шелковой нитью, войлочной тафьей, как именовали на Руси свои, местные, тюбетейки.

Заряна чуть не застонала при виде красавца, на смерть разбившего ей сердце, но остальные девочки только встревожились:

— Что случилось? Сvei?! — Первой мыслью у жительниц порубежья была, понятно, о войне или набеге соседей.

— Не, — мотнул головой Тришка. — Вестник с Новгорода приплыл. Грамоты привез, указы княжеские. Юрий Константинович как глянул, аж в лице изменился. Меня сразу в седло и за вами послал.

Девочки переглянулись. Мысль о возможной опале показалась им куда более страшной, нежели возможный набег немногочисленных и плохо вооруженных соседей-схизматиков.

Боярский сын Сабуров получил место корельского воеводы «в кормление» как награду за перепись земель Онежской пятины — работу трудную, долгую и кропотливую. И если вдруг его труд показался дьякам Поместного приказа нерадивым — расплачиваться за незаслуженную оплату придется многократно. И службой, и лишениями.

— Пospешайте, боярышни! — кивнул еще раз холоп и пнул пятками чалого скакуна, снова пуская в галоп, кинул через плечо: — Сообщу, что упредил!

Соломея, с грустью глянув в лукошко, полное едва на треть, вздохнула:

— Ладно, Мария, пойдем, коли надобность такая. Заряна, догоняй.

Крепость Корела, срубленная из толстенных, в полтора обхвата, северных сосен, возвышалась на каменистом острове у самого истока Вуоксы, вытекающей из озера в суровую Ладогу, и надежно перекрывала схизматикам путь на Русь жерлами десяти пушек, способных стрелять каждая каменным ядром размером в человеческую голову. Однако, при всей своей неприступности, она имела серьезный недостаток — малые размеры, всего сто на полтора шагов. Во время войны, при осаде, здесь могли худо-бедно вместиться все жители города и окрестных деревень — но для обычной жизни она была, конечно же, слишком тесной. Посему в мирные годы твердыня использовалась скорее как большой амбар, в башнях и стенах которой, под надежной охраной караульных, у людей хранились съестные припасы, оружие и ценные вещи, сами же корельцы жили на южном берегу реки, в просторных избах, возле бань, хлевов и огородов. Здесь же находились и базар, и ремесленные мастерские, и купеческие путевые сараи. Возле южного берега тянулись также причалы для торговых кораблей. Здесь, конечно же, стояла и воеводская изба, в которой платилась пошлина, собирались подати и в которой именем Великого князя вершился суд по случающимся между жителями спорам.

В знойный летний полдень город стоял почти пустым. Весь скот жители выгнали на пастбища еще на рассвете, сами разошлись по делам и работам. Шум, стуки и перекрикивания доносились только со стороны причалов, где перед новыми дальними походами ремонтировались потрепанные штормовой Ладогой или побитые о скалы камнистой Вуоксы корабли — корельским плотникам работа всегда находилась, только тес успевай подвозить.

Девочки быстро пробежали по пыльным улицам, нырнули на огороженный тыном воеводский двор, через заднюю дверь вошли в избу, оставив лукошки на кухне, перешли на чистую сторону дома и постучались в дверь воеводской горницы:

— Звал, батюшка?

— Заходите, заходите! — Воевода Сабуров одет был по-домашнему: длинная красная рубаха выпущенная поверх штанов и опоясана кушаком, на бритой голове — только любимая выцветшая тафья, когда-то вышитая покойной супругой. Длинная седая борода, расчесанная, мирно покоилась на груди. Юрий Константинович сидел за столом, усыпанным свитками, три из которых были развернуты и прижаты, чтобы не скручивались, один — чернильницей и ножом, два других — просто окатанными камушками. — Наконец-то! Жаждался уж совсем!

— Случилось что, батюшка? — опасливо прокрались в комнату девочки.

— Еще как! — несильно стукнул кулаком по столу воевода. — Гонцы наши, вестимо, на улитках по дорогам скачут, по три месяца от Москвы до нас добираясь! Еще в марте указ великокняжеский подписан, а сюда его токмо сегодня доставили! Теперича тебе, милая, надлежит всего через две недели в Твери перед повитухами предстать. Путь долгий, часа лишнего на сборы не остается. Иначе не успеть.

— Куда, батюшка? — все еще не понимали сестры.

— Разве я не сказал? — удивился воевода, поднял со стола один из свитков и взял его между ладонями: — Государь наш, Великий князь Иван Васильевич, сына женить намерен. Ради счастья чада своего желает он самую красивую деву со всей Руси для него сыскать. Ради того повелел своим указом во всех городах и всех

землях самых первых красавиц определить и ко двору на смотр представить. Из тех красавиц самую прекрасную его сын выберет и с нею обвенчается, дабы потомки рода великокняжеского не токмо знатностью всех превосходили, но и обликом своим. Вот так, Соломеюшка моя. Краше тебя никто из девиц мне неведом, посему и выбирать нечего. Ты от Корелы ко двору и поедешь.

— Куда? — охнула девочка, ощутив в животе острый едкий холодок.

— А я?! — возмущенно воскликнула Мария.

— Милая, ты же еще маленькая, — улыбнулся младшей дочери отец.

— Сами вы маленькие! — выкрикнула Мария и, еле сдерживая слезы, выскочила из горницы.

— Хорошо, Зубарь в городе был, выручить согласился, — бросил свиток обратно на стол воевода. — Обещается уже завтра к крепости Ладожской тебя доставить. Дальше самим придется, его шитик токмо в обузу выйдет. Срок совсем малый, дабы до Твери поспеть. Тетка вещи твои уж уложила, по разумению своему, сундук холопы к причалу понесли.

— Почему в Тверь-то, батюшка? — только и нашла что спросить Соломея.

— Повитухи... Осмотреть должны, чтобы здорова была, изъянов никаких... Все же невеста государева. Идеальна быть должна и обликом, и состоянием своим... — Юрий Константинович опять разворошил свитки, нашел под ними отделанную резной костью небольшую шкатулку, обошел с нею стол, встал перед дочкой. — Вот... Это мамино, матушки твоей. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты... Украшения... Пусть удачу тебе принесут, Соломеюшка.

Воевода передал шкатулку девочке, отступил на шаг и широко ее перекрестил:

— Ну, с богом! В светелку к себе поднимись, посмотри, может, еще чего взять захочется? Переоденься в дорогу, там тебе приготовлено. Я покамест тоже оденусь, проводить... — Не удержавшись, он обнял дочку еще раз и решительно приказал: — Все, ступай!

Меньше чем через час они уже подошли к причалам, вытянувшимся вдоль берега Вуоксы: боярский сын Юрий Константинович, переодевшийся в подбитый горностаем красный суконный кафтан и соболью шапку — теплые не по погоде, но по воеводскому месту положенные, — и юная Соломея, Соломония Юрьевна, теперь уже не в полотняном сарафане, а в ситцевом, обильно вышитом красной и синей нитью, в украшенном бисером голубом кокошнике и со спрятанными под полупрозрачным шелковым платком волосами.

Вслед за девочкой Заряна несла небольшой мешочек с вещичками, каковые показались нужными в пути самой Соломее, да гордо вышагивал Тришка, составлявший собою единственным всю воеводскую свиту.

Все четверо остановились на причале возле одно-мачтового шитика — сшитого из досок кораблика шагов пятнадцати в длину и четырех в ширину, по темно-синим бортам которого вились сарацинской вязью причудливые зеленые травы с алыми цветами.

— Здрав будь, боярин! Доброго тебе дня, Юрий Константинович! Здравия желаем, — завидев воеводу, стали торопливо кланяться корабельщики. А один из них, тощий и высокий, с длинной и узкой, похожей на селедку, рыжей бородой, добавил: — Уложили уже вещи-то, батюшка! Евдокия Ивановна прибирается.

— С богом, доченька, — повернув к себе, обнял девочку боярский сын Сабуров. — Жаль с тобой расставаться, да грех такую возможность отнимать. Коли не попытаешься, всю жизнь корить себя станешь. Ну, а не